

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС

подготовлено
для проекта

Эноб.

**Ядро экономики
«Капитала 3.0»**

Андрей Курпатов

Андрей Курпатов

**Интеллектуальный ресурс.
Ядро экономики «Капитала 3.0»**

«Курпатов А.В.»

2016

Курпатов А. В.

Интеллектуальный ресурс. Ядро экономики «Капитала 3.0» /
А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.», 2016

ISBN 978-5-9907585-7-5

Всё, во что мы привыкли верить, оказалось подложным – больше нельзя доверять банкам, биржевым аналитикам, заявлениям правительств, валютам и даже золоту. Станным образом сама природа экономических отношений претерпевает фундаментальные изменения. Долго ли еще проживет нынешняя экономическая модель, основанная на биржевых курсах, индексах агентств и загадочных деривативах? Останемся ли мы сами «экономическими агентами» в этой большой финансовой игре? В этой книге Андрей Курпатов рассказывает о том, что станет новой экономической силой, как изменятся правила игры, что ожидает нашу социальную матрицу... да и каждого из нас в отдельности.

ISBN 978-5-9907585-7-5

© Курпатов А. В., 2016

© Курпатов А.В., 2016

Содержание

Искусственное производство естественного интеллекта	5
Summary	9
Кризис «капитала 2.0». Навстречу новой реальности!	10
Мир Карла Маркса – мир «Капитала 1.0» – умер. Категорически	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Андрей Курпатов

Интеллектуальный ресурс. Ядро экономики «Капитала 3.0»

Искусственное производство естественного интеллекта (предисловие автора)

Что входит в сферу жизненных интересов человека? Ответим на этот вопрос предельно прямо и просто: секс, деньги и, прошу прощения, понты. Звучит, конечно, так себе. Но это правда.

Всякий из нас – живое существо, и мы хотим жить. А как в современном мире выжить без денег? Да, кто-то хлеб на них покупает и утлый кров, а кто-то телохранителей и криозаморозку с возможностью последующего воскрешения, но суть от этого не меняется: деньги – это средство выживания, они нужны нам, чтобы жить. Поэтому, например, когда вы расстаётесь с деньгами, в вашем мозгу активизируются те его участки, которые непосредственно отвечают за чувство физической боли. Это инстинктивная реакция.

Живем же мы при этом не сами по себе, а в рамках неких социальных общностей – семья, тусовка, трудовой коллектив, страна и т. п., и в каждой тоже надо выживать, но уже иначе. Совсем не просто так мы жаждем общественного признания, уважения коллег и любви близких: это дает нам уверенность, что они нас не изгонят, не затопчут и не распнут, как это за ними водится. Вот почему нам так важны «лайки» в соцсетях (признак одобрения), фильтры в Instagram (способ выглядеть «дороже») и поддержка «на дипломатическом приеме» (демонстрация любви, способной защищать). В общем, понятно, почему мы заняты бесконечным производством «понтов» – мы набиваем себе социальную цену: нам кажется, что чем дороже (во всех смыслах) мы выйдем, тем наше положение безопаснее. Наивные.

Наконец, мы еще и представители своего биологического вида – их величества *Homo sapiens*'ы. А потому, хотим мы того или нет (вообще не важно, что мы по этому поводу думаем), мы озабочены собственной сексуальностью – все, конечно, по-разному, каждый со своими тараканами, но это неизбежно. Сама мать-природа – с ее гормонами, нейротрансмиттерами, рефлекторными дугами и прочей психофизиологической требухой – требует из подкорковых структур нашего мозга продолжения ее эволюционного банкета: «Плодитесь и размножайтесь!» Тут-то, на сексе, круг наших «жизненных интересов» и замыкается – мы возвращаемся к «деньгам» и «понтам». Какой секс без соответствующих ингредиентов?

Всё, что мы считаем своими «жизненными интересами», есть производное от этих биологических приоритетов – жизни, секса и нашей ценности в глазах других людей. Любая «высшая цель», какую ни возьми, если обнажить ее до психофизиологического основания, – всё те же «секс, деньги и понты». Конечно, не хочется так о себе думать (это бьет по нашей самооценке – то есть по «понтам»), но, с другой стороны, на каких-то естественных основаниях наши «высшие цели» должны были вырасти, какими-то естественными силами в нас они должны питаться? Вот они и выросли, вот и питаются – всё естественно.

Поразмышлять, как мне представляется, нужно о другом. В прежние времена «секс, деньги и понты» представляли собой весьма ограниченный ресурс. За него приходилось бороться, причем не на жизнь, а на смерть, и везло далеко не всем. Само количество материальных благ («денег») до научно-технической революции оставляло желать лучшего, а сексуальные потребности ограничивались структурой социальных отношений, подавлялись традицией и религиозной моралью. Даже понты – и те были жестко лимитированы: еще совсем

недавно, чтобы получить, предположим, доступ к аудитории (например, к эфиру на телевидении), нужно было пройти через семь кругов ада и многократно прыгнуть выше головы. Сейчас для этих же самых целей достаточно мобильного телефона и сайта YouTube, плюс, понятное дело, сделать какую-нибудь отчаянную глупость. И вот тебе уже звонят из программы «Пусть говорят» с неистовым редакторским криком: «Приходите к нам немедленно!»

То есть сама ситуация нашего существования – буквально за пару десятилетий (даже меньше) – радикально переменялась. Возьмем, например, секс: дети теперь могут сызмальства смотреть порнографию в интернете, там же молодые люди с легкостью находят себе разнообразных – всех видов и форм – половых партнеров. В результате десятки и даже сотни «беспорядочных половых связей» – это для современного половозрелого субъекта вовсе не предел и уж точно не новость. Материальные блага – туда же: полки магазинов ломятся от товаров, кредиты позволяют обзаводиться собственностью, о которой наши бабушки и дедушки не могли и мечтать, даже эксклюзивное «лакшери» – и то доступно теперь, пусть и на распродаже, каждому. Про понты и вовсе говорить нечего – интернет и социальные сети уравнили «звезд» и «не-звезд», чем окончательно и бесповоротно разрушили прежнюю социальную пирамиду.

Иными словами, изменения, хотя мы и не вполне отдаем себе в этом отчет, носят революционный характер – меняется сама структура нашей социальной реальности, исчезает ее движущая и мотивационная сила: то, в чем мы реально нуждаемся (биологически, от природы, так сказать), стало доступно для нас в неограниченном, по существу, объеме. С одной стороны, это вроде бы и неплохо – меньше должно быть конфликтов, войн, конкуренции... Фрэнсис Фукуяма волен в очередной раз провозгласить «конец истории», «последнего человека» и тому подобные глупости. Но мы не будем торопиться с выводами.

Как и почему «всё прогрессивное человечество» достигло такого счастливого, почти коммунистического благоденствия – чтобы «от каждого по способности и всем поровну»? Достигло оно этих выдающихся результатов именно потому, что существовал лимит (потребный, так сказать, ресурс был ограниченным): не каждый мог себе подобное роскошество позволить, но все хотели, и в результате шла ожесточенная конкурентная борьба. И кто, по завещанной традиции, побеждал в этой борьбе? Тот, кто обладал специфическим конкурентным преимуществом – неким особенным навыком, обеспечивающим его форой по сравнению с сородичами. В эволюции всегда так – побеждает тот, у кого клыки оказываются чуть больше, ноги чуть быстрее, а крылья чуть поразмашистее. Что это был за навык в нашем – человеческом – случае?

Приглядимся повнимательнее к тому, что мы называем здесь «деньгами, сексом и понтами» – они ведь и сами по себе претерпевали значительные изменения. Со временем человека всё больше интересовало не просто какое-то конкретное материальное благо, не просто физическое совокупление или размер гривы, а определенное символическое к ним прибавление – не еда, а «трапеза», не половое сношение, а «любовь», не страх сородичей перед грубой силой, а их «восхищение». «Деньги, секс и понты», иными словами, виртуализировались – усложнялись и видоизменялись нашим же нарождающимся мышлением.

Таким образом, название навыка, который требовался наши предкам, чтобы биться с себе подобными за ограниченный ресурс, красуется на обложке этой книги: это интеллектуальная функция, грубо говоря – то символическое прибавление к действительности (в виде идей и представлений), на которое способен наш мозг. То есть в борьбе друг с другом за ограниченный и желанный ресурс мы включали голову, развивали свой интеллект, и он в результате создал всё то благоденствие, о котором мы ведем речь, – саму нашу цивилизацию. Прекрасно.

Но вот всеобщее счастье удовлетворенности наступает, конкуренция за потребный ресурс падает: секса, денег и понтов – вволю. Что будет происходить дальше? Особям больше не нужно вступать в ожесточенную конкурентную борьбу друг с другом – всё доступно и всё позволено. Каждой конкретной особи напрягать мозги в такой ситуации больше нет никакого

смысла – ей «и так хорошо». И интеллектуальный ресурс, который не был дан нам биологически – в отличие от «секса, денег и понтов», – а может лишь воссоздаваться всякий раз заново в конкретных мозгах (здесь и сейчас в процессе социальных взаимодействий и той самой конкуренции за потребный ресурс), перестает воспроизводиться. В нём, в самом нашем интеллекте, теперь как бы больше нет нужды: «и так хорошо». Но это «как бы» обманчиво.

Цивилизация, которую мы унаследовали и которая обеспечивает нас всем тем, о чем так долго и так страстно мечтали наши предшественники, создана интеллектом, достигшим своего максимума в конкретных человеческих особях – от Исаака Ньютона и Чарльза Дарвина до Ричарда Фейнмана и Джеймса Уотсона с Фрэнсисом Криком, – блистательной чередой выдающихся умов. Работа этих умов и произвела на свет современную информационную цивилизацию потребления, но, превратившись в чрезвычайно сложную систему, она живет уже сама по себе. Она превратилась в своеобразную супермашину, определяемую лишь своей собственной, неведомой нам внутренней динамикой.

Таким образом, мы оказались в точке своеобразного перекреста: с одной стороны, сама наша цивилизация продолжает по инерции усложняться и требует всё более и более изощренных умов (для разрешения ее всё возрастающих внутренних противоречий), с другой стороны, из-за того, что здесь и сейчас «всё хорошо», изощренным умам совершенно незачем появляться – нет естественной, порождающей интеллект силы. И теперь мы по сути в заложниках: в тот момент, когда интеллектуальный ресурс стал нужен нам так, как никогда прежде, сама система перестала производить условия, необходимые для его генерации.

Если бы наш интеллект был ресурсом биологического происхождения, подобно сексуальному желанию, инстинкту самосохранения, потребности в принятии и поддержке, то, конечно, никакой проблемы бы не возникло. Но интеллект – это производное социальной практики конкретных индивидов: оставьте маленького ребенка на попечение волкам – и никакого Sapiens'a вы из него не получите. Да, такой «Маугли» будет хотеть жить и совокупляться, ему будет важно чувствовать себя полноправным членом стаи, но, в отличие от героя киплингвской сказки, он не произведет из себя ни речи, ни языка, ни тем более человеческого мышления. Его интеллект будет интеллектом дементного больного, или, точнее говоря, интеллектом кроманьонца, чьим мозгом, если лишить нас «культурного налета», мы, в действительности, и обладаем.

Обосновывать важность и ценность человеческого интеллекта, казалось бы, странно – все вроде бы и так это понимают. Но уверены ли мы, что заметим постепенное исчезновение интеллекта – его истончение, уплощение, деструкцию, если вдруг это начнет происходить? Боюсь, что нет, потому что еще одной важной особенностью интеллекта является неадекватность его оценки носителем данного интеллекта. Попросите знакомого психиатра – пусть он сводит вас в психоневрологический интернат (или устройтесь туда волонтером), и вы с удивлением обнаружите там массу олигофренов (лиц, страдающих умственной отсталостью), которые страшно бахвалятся своей сообразительностью и считают себя намного умнее других.

Да, изнутри самих себя мы не можем адекватно оценить собственный интеллект – его качество, действительные возможности или состояние. Мы всегда думаем, что наш интеллект – о-го-го какой, и уж точно «выше среднего». И это классическая иллюзия «самооценки интеллекта». Поэтому, если совокупное человечество вдруг по каким-то причинам (например, из-за особенностей той информационной среды, в которой существуют наши мозги) начнет его терять, мы этой утраты просто не заметим. Нам некому будет на нее указать, а мы – сами по себе – её не увидим. Люди умудряются массово предаваться фашизму и религиозному исступлению, так что, поверьте, всеобщее впадение в глупость не выглядит на этом фоне чем-то из ряда вон выходящим.

Причем определенные потери на этом фронте мы уже понесли, о чём свидетельствуют исследования по информационной зависимости, «цифровому слабоумию», «интеллектуаль-

ной псевдодебильности» и др. Но, несмотря на это, я искренне считаю, что возможности по развитию каждого конкретного человеческого интеллекта (даже с учетом того, о чем я сказал выше) существенны, а соответствующие усилия по его развитию, по крайней мере пока, всё еще могут быть эффективными. Однако чтобы реализовать этот «план спасения», нам необходимо понимать принципы работы нашего мышления, а они всё еще, хотя ученые и не любят об этом распространяться, остаются зияющим белым пятном на карте современной науки.

Нельзя больше рассчитывать на то, что интеллектуальный ресурс будет возникать сам собой, то есть как прежде – под давлением социальной среды и потребностных ограничений. Эти условия бесповоротно сняты: среда информационной цивилизации потребления больше не производит условий для естественного роста интеллекта в индивидуальных мозгах. И нам ничего другого не остается, как научиться культивировать естественный человеческий интеллект, воспроизводить его искусственно – и не в машинах, а в самих себе и в наших детях.

Собственно, всё, что я сейчас делаю в своих статьях на «Снобе», это пытаюсь привлечь внимание к данной проблеме. Мы переживаем усложнение цивилизации, приводящее к радикальному изменению информационной среды, и изменения эти, к сожалению, никак не способствуют воспроизводству естественного интеллекта, а, скорее, наоборот. При этом, по крайней мере пока, у нас нет средств искусственного воспроизводства интеллекта в реальных человеческих мозгах, и даже понимание самих этих мозгов до сих пор, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Если представить теперь всё, что я пишу, не как отдельные тексты, а как одну большую книгу, то мои публицистические статьи – это что-то вроде главы «Об актуальности», а методология мышления – это уже основное содержание этой книги, и именно ей посвящены отдельные мои тексты («Складка времени. Сущность и критерии», «Методология мышления. Черновик», «Что такое мышление? наброски», «Пространство мышления. Соображения», «Что такое реальность? Версия»). Надеюсь, что благодаря публицистическим статьям они покажутся читателю заслуживающими внимания.

Появление «черных лебедей» хоть и не предсказуемо, но и не случайно. Именно в тот момент, когда мы теряем бдительность и доверяемся системе, начинается время «черных лебедей». Когда конкретно они прилетят и чем это закончится – неизвестно, но важно то, в каком состоянии мы их встретим, что мы будем собой на этот момент представлять.

* * *

Настоящее издание объединяет в себе публикации, подготовленные для журнала «Сноб» и посвященные значению интеллектуального ресурса в системе современной мировой экономики. Надеюсь, мне удалось обосновать по крайней мере актуальность этого вопроса, хотя, конечно, сама эта тема заслуживает куда более глубокого и предметного рассмотрения.

Я искренне признателен журналу «Сноб» и лично его главному редактору Лике Кремер за всемерную поддержку, заинтересованность и дружеское участие. Наконец, я бы хотел от всего сердца поблагодарить автора «Философского послесловия» доктора философских наук Вячеслава Вячеславовича Корнева за полемический и весьма содержательный текст, который завершает эту книгу.

Summary

Сейчас большие тексты не читают, а мой получился неприлично длинным (я честно сокращал его изо всех сил), поэтому, с вашего позволения, начну сразу с выводов, а там уж как пойдет – может, и почитаете.

Первое (вполне себе тривиальное): денег в прежнем и привычном нам понимании больше нет, нынешняя экономическая реальность поддерживается валютой под названием «доверие», но валюта эта переживает упадок, от которого уже никогда не оправится.

Второе (методологический взгляд): экономика всю историю человечества представляла собой попытку овладения будущим – через товарный контроль будущего, денежный, через «доверие», а сейчас нарождается новый способ управлять будущим – «интеллектуальный ресурс» (определения в тексте). Без понимания того, что такое психология будущего, изучать и оценивать современную экономику бессмысленно.

Третье (собственно, самое важное): «интеллектуальный ресурс» (см. определение) – валюта будущего, причем куда более фактичная, нежели деньги (какими мы их некогда знали), но и куда более виртуальная, нежели загибающееся на наших глазах «доверие», в связи с чем я и пытаюсь сформулировать критерии, определяющие сущность «интеллектуального ресурса». К сожалению, пока именно и только это является доступным и возможным методологическим ходом.

Кризис 2008 года, нынешние события на Украине и в Фергюссоне, ИГИЛ¹ и «китайский поворот», а также то, чему мы станем свидетелями в самом ближайшем времени, – звенья одной, хотя и крайне запутанной цепи. Но есть серьезное подозрение, что пока никто толком не понимает, насколько радикальными окажутся эти грядущие перемены. Нам просто этого не представить.

Предваряя текст, я должен, кроме прочего, извиниться перед профессионалами в области экономики и финансов за ту вольность (кто-то скажет – неаккуратность), с которой я буду пользоваться дорогими их сердцу терминами и концепциями. Какие-то ошибки и неточности неизбежны, ведь я рассуждаю как методолог, и поэтому главная моя цель – не экономический анализ, а фиксация ситуации, выявление ее структуры и оценка динамики соответствующих процессов (уверен, что сейчас именно такой анализ и представляет наибольшую ценность). Надеюсь, что все это мне зачтется, на чьи бы мозоли я по неосторожности ни наступил.

Приятного чтения...

¹ Организация запрещена на территории РФ.

Кризис «капитала 2.0». Навстречу новой реальности!

Мир Карла Маркса – мир «Капитала 1.0» – умер. Категорически

В 2008 году мировая читательская аудитория, напуганная волной наступающего кризиса, продемонстрировала ажиотажный спрос на «Капитал» Карла Маркса. Но вряд ли основателю марксизма такое внимание могло бы польстить: сама эта интенция свидетельствовала о предельной неадекватности интересантов, а иметь среди поклонников толпу восторженных идиотов – это, согласитесь, не самая завидная участь.

Искать у Маркса ответы на вопросы об упомянутом кризисе было, конечно, пустой тратой времени: и экономика, и сам мир, который Карл Генрих со всем возможным размахом и тщанием концептуализировал в знаменитых «экономических записках», давно канул в небытие. Маркс был и навсегда останется гением методологии, но его экономическая теория, и тут от всяких иллюзий следует избавиться, безнадежно устарела.

Куда точнее было бы, наверное, обратиться в 2008-м к Жану Бодрийяру (перечитать, например, его полную парадоксов книжку «К критике политической экономии знака»), а также к Фрэнсису Фукуяме времен «Доверия» и «Великого разрыва». Причем их следовало бы читать именно так – сразу обоих, в параллели. И конечно, этот коктейль снес бы читателю голову, да и к тому же не дал бы ответы на поставленные вопросы... Но, по крайней мере, это было бы чтиво по теме.

Впрочем, уже и логика Бодрийяра – Фукуямы успела устареть. Время на наших глазах драматически сжимается: мир, где еще совсем недавно царствовали искусственные финансовые инструменты, экономика потребления знаков и прочее бла-бла-бла, стремительно превращается в тень самого себя. Кажется, что хоть какое-то теоретическое представление о грядущем должны иметь анархисты, но способность к концептуализации никогда не была их сильной стороной.

Мы стоим на рубеже очередного кризиса, возможно, несопоставимого по масштабам с предыдущими. То, что будет происходить далее, по сути, является системным «уровневым переходом»: товарно-денежный капитализм Маркса – Энгельса и наследовавший ему социально-знаковый капитализм Бодрийяра – Фукуямы радикально изменили саму структуру современного человеческого сознания, социальную организацию общества и геополитическую ситуацию, и эти изменения с неизбежностью вытолкнули нас в принципиально новую реальность. Через боль.

Так что сосредоточьтесь, запасайтесь берушами и держитесь за поручни.

* * *

Маркс изучал и описывал мир, в котором на самом деле имели место фактическое потребление и физический товар, более-менее объективная стоимость и реальные деньги, а также осязаемая рабочая сила и, насколько это возможно, внятные экономические отношения. Не так важно, почему все это стало теперь предметом Истории, которую Маркс же, по выражению Луи Альтюссера, и «изобрел», важно понять, что случилось, – зафиксировать указанную смерть.

Основа основ марксистской теории – игра «товара» и «денег», именно из этого отношения рождаются различные «стоимости» (меновая, потребительская, прибавочная и т. д.), а

также понятия «труда», «рабочей силы», «средств производства» и проч. Карл Маркс видел перед собой экономическую реальность, где совокупному «товару» соответствовала совокупная «денежная масса» – одно непосредственным образом соотносилось с другим, и возникал тот рынок, который, как нам когда-то обещали, «должен всё исправить». Грубо говоря, в этой экономической реальности, в этом полностью «вещном» мире еще существовали здравый смысл и хоть какие-то рамки – «деньги – товар», «товар – деньги». Но в середине XX века он начал сдавать свои позиции под натиском узаконенного обмана, когда в классический обмен включилась «фикция».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.